

Новый журнал
кн. 48 (1957)

НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОКРАИНЕ*

Памяти Александры Васильевны Пешехоновой

Бывают в жизни минуты, как будто совершенно незначительные, но которые тем не менее, неведомо для нас самих предвещают наше будущее. Таким именно событием в моей жизни была встреча с Александрой Васильевной Пешехоновой.

Случилось это, когда мне было 19 лет, а ей 39. В комнату вошла очень маленькая, худенькая женщина, вошла спокойно, твердо. Гладко зачесанные назад и закрученные в узелок русые волосы, круглое лицо, которое в старости должно было превратиться в печеное яблочко, живой румянец на щеках и большие, серые, светящиеся изнутри и сияющие, «лучистые» глаза. При виде ее мне сразу же пришли на память две строки, написанные поэтом Боратынским кому-то в альбом:

«Бог создал пару глаз

И к ним прибавил вас».

Александра Васильевна была в то время городской учительницей на одной из окраин Петербурга и пришла она ко мне для того, чтобы убедить устроить бесплатную столовую для нуждающихся учеников начальных городских училищ ее района. Район этот находился в пределах Александро-Невской части города и лежал за Обводным Каналом, вдоль незасыпанной еще тогда зловонной речки Лиговки. На углу Обводного Канала и Лиговки, в большом доходном доме владелицы бань Кобызевой, находилась та начальная школа, в которой Александра Васильевна тогда учительствовала. Позднее она

* Эти воспоминания покойной гр. Софьи Владимировны Паниной были написаны ею еще в 1948 г. Их отпечатанный на машинке текст был передан ею редакции «Нового Журнала», но с условием, чтобы он был опубликован только после ее смерти. Заключительная часть воспоминаний («Война и революция») появится в следующей книге «Нового Журнала». Мы печатаем воспоминания С. В. с незначительными сокращениями. Ред.

перебралась еще немного дальше, на угол Лиговки и Расстанной, где и прожила до самой своей смерти, наступившей в 1932 году, когда ей было 80 лет от роду. Она на много лет пережила свой 25-ти летний юбилей учительствования.

Родилась она тоже на Лиговке, только в противоположном ее конце, недалеко от Невского проспекта, в том самом деревянном флигеле, в котором в сороковых годах прошлого столетия жил и умер Белинский. Флигель этот стоял в глубине громадной старинной усадьбы, сад и огород которой, даже в начале двадцатого столетия, терялись в незаселенных просторах земель, примыкавших к Николаевской железной дороге¹. Там Александра Васильевна провела свое детство и раннюю юность, живя со своими родителями (отец ее был иконописец, а мать была из купеческой семьи).

Когда я в 1891 году познакомилась с Александрой Васильевной, всё это было уже далеким прошлым, родителей ее не было в живых, из вольной усадьбы она уже давно переселилась на угол Обводного канала и я знала о ней только то, что она прекрасная преподавательница, в особенности математики, так как свое высшее математическое образование получила под руководством астронома, профессора Страннолюбского.

Школа, в которой она тогда учительствовала, принадлежала к старому типу начальных городских училищ. Это была школа-одиночка, трехлетка, в которой все три отделения и все предметы преподавания велись одной учительницей или учителем, жившими при школе. Это хорошо нам знакомый тип той земской начальной школы, которая являлась первой образовательной ступенью на всех просторах русской земли в конце прошлого и в начале нынешнего столетия.

В Петербурге, однако, уже в 1890-х годах Городская Комиссия по народному образованию, с М. М. Стасюлевичем во главе, приступила к постройке больших городских училищных домов, в которых учебной единицей являлась уже не школа, а класс — первый, второй, третий и т. д. — и в которых преподаватели распределялись по предметам. Каждый преподаватель приходил давать урок по своему предмету и

¹ Только незадолго до первой мировой войны 1914 г. все старые здания этой усадьбы были снесены и на их месте вырос громадный доходный дом А. Н. Перцова.

связь его с учащимися этим и ограничивалась. Наоборот, связь учителя-одиночки, живущего при школе, фактически никогда не прекращалась и распространялась во внеклассное время не только на детей, но и на их родителей. Родители заходили поговорить и посоветоваться, учитель принимал участие во всех культурных начинаниях района и был непременно участником всех семейных событий. Эта роль школы проявлялась особенно ярко в деревне. Но и в городе, особенно на его полудеревенских окраинах, школа-одиночка имела широкое просветительное влияние. Вот почему вопрос о постройке больших училищных домов вызывал в свое время такие страстные споры между сторонниками той или другой системы. Александра Васильевна всегда отстаивала школу-одиночку. И это так понятно в сильном человеке с яркими убеждениями и индивидуальностью, в учительнице по призванию, неутомимой в работе, всё счастье и весь смысл жизни своей полагавшей в том культурно-просветительном влиянии, которому отдана была вся ее долгая жизнь.

Думаю, что за исключением Охты, та окраина Петербурга, на которой жила и действовала Александра Васильевна, больше всех других сохраняла еще старозаветный быт и, если не деревенские, то провинциальные нравы. Ямская улица названьем своим напоминала о том, что здесь когда-то была Ямская Слобода, а в мое время, вдоль Обводного Канала и за ним, тянулись бесчисленные извозничьи дворы легкого и домашнего промысла, сениные и дровяные склады, трактиры и т. п. Помню, как в семик, вдоль дальнего конца Лиговки, ходили разряженные девушки в руках с березками, разукрашенными пестрыми лентами, пели и водили хороводы. А на Масленице, на двух берегах всё той же, еще не засыпанной Лиговки, устраивались бега извозчиков-лихачей, показывавших в этот день всей округе своих лучших рысаков и новейшие пролетки, в которых восседали дородные супруги и богатые невесты-дочери.

Другая часть народонаселения этого конца Александровской части состояла преимущественно из ремесленников, чернорабочих и мелких торговцев, т. е. из самых бедных и темных слоев городского населения. Заводов на этой окраине было еще мало. Местной умственной аристократией были рабочие завода Сан-Галли и резиновой мануфактуры «Треугольник».

Итак, 25 октября 1891 года, мы с Александрой Васильевной открыли детскую столовую, сняв для этого небольшую квартиру в доме Кобызевой, на углу Лиговки и Обводного Канала. При столовой поселилась ее заведующая, миниатюрная Елизавета Николаевна Филиппова, со своей старушкой матерью. Дети-школьники приходили обедать в большую перемену, в 12 часов, в две смены, каждая по 25 человек. Больше комната не вмещала. Это и было тем семенем, из которого со временем вырос Лиговский Народный Дом.

На этот рост пошло двенадцать лет, в течение которых мы переменили три квартиры, постепенно увеличивая их и кочуя между Обводным Каналом и Лиговкой. Детская столовая росла и обростала всевозможными новыми отраслями деятельности. Никто из нас ни о каком народном доме тогда не помышлял, никакого плана работы у нас не было. Но окружавшая нас жизнь громко и настойчиво стучалась в наши двери и мы старались по мере сил отвечать на ее запросы и нужды, используя в максимальной степени то помещение, которое сначала предназначалось только для детей и только для их питания. Дети и продолжали владеть им до самых вечерних часов: Елизавета Николаевна ограничивалась тем, что не запирала дверей столовой после окончания обеда, и дети совершенно естественно стали возвращаться туда по окончании школы, т. е. после 2-х часов дня, потому что там было тепло, светло и уютно, потому что ласковая Елизавета Николаевна всегда заботливо рассаживала их и помогала готовить заданные уроки. Вернуться домой дети всё равно не могли, квартиры были заперты и родители на работе, они могли только оставаться на улице, в холоде, грязи и темноте ранних петербургских зимних вечеров. Именно таких брошенных детей мы и подбирали в нашу столовую, которая стала их убежищем.

Маленький народ любопытен, любознателен и предприимчив. Дети всегда первыми проникнут во всякое новое учреждение и войдут во всякую приоткрывшуюся дверь. Но они же приведут за собой и родителей, подзадорят любопытство взрослых. Стали к нам заглядывать матери и отцы, стали просить «чего-нибудь почитать», а безграмотные женщины, каковых в те годы было еще много, «чего-нибудь послушать» или «чего-нибудь поглядеть». Мы стали устраивать воскресные чтения с туманными картинами для взрослых, добавляя к ним музыкальные номера, получили разрешение на бесплат-

ную библиотеку с выдачей книг на дом, а затем и на чайную для взрослых, которая одновременно была и читальней, и в будни открывалась по вечерам, а по воскресеньям и праздникам оставалась открытой весь день.

Разрешенные каталоги таких бесплатных библиотек были в те времена очень ограничены, но так как мы начали действовать на абсолютно пустом месте — на той окраине не было тогда ни одной общедоступной публичной библиотеки — то и это был хлеб, а с годами каталоги эти мало по малу расширялись, пока наконец мы не перешли, лет пятнадцать спустя, на положение нормальной публичной библиотеки.

Еще хуже обстояло дело чтений с туманными картинами. В 90-х годах прошлого столетия в народных аудиториях с бесплатным входом разрешалось только *читать*, а отнюдь не *говорить*, причем читать дозволялось исключительно по книжкам издания высочайше утвержденной комиссии народных чтений, каталог которой был до крайности скуден: в нем значился небольшой выбор рассказов из нашей классической литературы и книжки исторического, религиозного, географического содержания, чрезвычайно бездарно составленные. Картины, выдававшиеся Комиссией напрокат, были также очень плохи. Вот с таким-то материалом в руках приходилось начинать нашу деятельность. И тем не менее, отсутствие какого бы то ни было разумного и приятного развлечения было так абсолютно в жизни окружавшего нас народонаселения, что наша комната, громко именовавшаяся «залом», была всегда битком набита слушателями по воскресным и праздничным дням.

Председателем Комиссии народных чтений в те времена был небезызвестный Всеволод Сергеевич Соловьев, старший брат нашего знаменитого философа, Владимира Соловьева, и автор популярных тогда исторических романов. Помню, как он однажды неожиданно приехал к нам на одно из таких воскресных чтений и каким ужасным скандалом это всё кончилось. Человек он был пожилой и грузный, страдал к тому же бронхами, так что в морозные дни носил на рту защитный респиратор и одевался очень тепло. Приехал он в огромной меховой шубе, повесил ее в передней и заявил о желании лично прочесть в аудитории намеченный рассказ Лескова. Читал он не громко и мало выразительно, так что впечатления никакого не произвел, а когда, разгоряченный и утомленный, он вернулся в переднюю за своей шубой, то... ее там не

оказалось. За время его чтения ее успели украсть. Никогда до того у нас ничего подобного не случалось. Хочу добавить, что и позднее, за всю нашу многолетнюю работу среди тысяч посетителей, случаи краж были совершенно исключительными явлениями. И нужно же было, чтобы это, как на грех, случилось с нашим самым страшным и неприятным начальством. Мы все были в отчаянии, но найти шубы так и не удалось. Соловьева скоро сменил на посту председателя комиссии Евграф Петрович Ковалевский, живой, просвещенный и благожелательный человек, при котором и постановка всего дела изменилась.

Эти воскресные собрания ввели нас в общение со взрослым населением нашего района. Появилось требование на книгу и, наконец, на систематическое обучение взрослого рабочего и ремесленника: грамота для тех, кто или не знал ее, или забыл после окончания начальной школы, техническое черчение и, как подготовка для него, математика. В пределах этих трех предметов — русского языка, математики и черчения — и открылись наши вечерние классы для взрослых, в ведении и под контролем Императорского Технического Общества, где нашим прямым и бессменным начальством был милейший Александр Григорьевич Небольсин. К этому времени мы уже перебрались в наше третье помещение, всё на той же Лиговке, и имели в своем распоряжении «зал», вмещавший до 200 человек.

Этот размер помещения дал нам возможность хоть в малой мере пойти навстречу не только *просветительным* нуждам населения, но и его не менее острым потребностям в *развлечении*.

Мне до сих пор весело вспоминать о тех первых танцевальных вечерах, которые устраивались в этом скромном зале. Как старательно, воистину в поте лица своего, разучивались танцы нашими неловкими, точно по ногам и по рукам связанными, учениками-рабочими и мастеровыми. Как обидно бывало им не поспевать за музыкой и за молодыми девушками, гораздо быстрее приспособившимися к танцам. И как торжественны бывали представители торгового класса, когда, для пущей важности, они являлись на «бал» и танцевали в галошах и с огромными дождевыми зонтиками в руках. Эти атрибуты являли собой тогда последнее слово «шика».

Вспоминаю и наши первые спектакли, в которых мы были все участниками и где на мою долю выпадала всегда суф-

лерская роль. Сколько во всем этом было дружного веселья и как тесно спланивался вокруг этих занятий и развлечений тот кружок лиц, который во все последующие годы нашей, потом широко развернувшейся деятельности, был и оставался руководящим ядром и душой Народного Дома.

Трудно себе представить теперешнему жителю какой бы то ни было европейской страны, не говоря уж об Америке, до чего убога, сера и скучна была жизнь русского окраинного городского обывателя в 90-х годах прошлого и начала нынешнего столетия. Во всей этой, забитой камнем и людьми, безводной и бездарной части города, ни одного сада, сквера, ни одного деревца. Единственным местом для летних прогулок было Волково кладбище, в которое упирался трамвай и у границ которого останавливалась, замирала жизнь города. Крутые, поросшие травой берега Обводного Канала являли собой, в праздничные дни, зрелище другого рода кладбища: они бывали усеяны телами мертвецы пьяных обывателей. В течение всей долгой, темной, промозглой петербургской зимы, из перенаселенных квартир с угловыми жильцами, рабочему человеку, по вечерам и в праздники, был заманчиво открыт вход только в трактир. Ни кинематографа, который тогда еще не существовал, ни близкого и доступного театра, ни читальни, ни музыки, ни места где погулять и заняться каким либо спортом или игрой не было. Единственным доступным, просторным помещением была большая, красивая церковь св. Иоанна Предтечи, на перекрещивании Лиговки и Обводного Канала, с окружавшей ее площадью, обнесенной оградой. Только в Божьем доме было просторно, красиво, можно было слушать чудное пение и оторваться мыслью и душой от заедавшей тяжелой повседневной жизни. Но человеческое жилье было ужасно.

Всем нам, прошедшим с тех пор через войны и революции, тюрьмы и концентрационные лагеря, беженство и эмиграцию, ясно по собственному опыту, что теснота и перенаселенность человеческих помещений являются одним из самых тяжких испытаний и одной из самых страшных казней в жизни. Как уберечь человека, постоянно погруженного в тоску такой беспросветно-нудной жизни, от раздражения и склоки, от отчаяния и злобы, ведущих к пьянству, к преступлениям, к политическим эксцессам? Одного «просвещения» для этого мало, недостаточно также благоустройства труда, ибо думаю, что решающим моментом и влиянием в жизни человека яв-

ляется не труд, а тот досуг, который остается у него после труда. Только в часы досуга есть место для любви и радости, для всего того, что превращает робота в человека и человека в личность. И часто в жизни лучше узнаешь человека не столько по «служебным» делам его, сколько по тому, чем он заполняет свои досуги. Думаю поэтому, что самое страшное в жизни человека, это полное отсутствие какой бы то ни было радости, отсутствие малейшей отдушины, через которую проникали бы свежий воздух и солнечный луч. Крестьянская жизнь, как бы убога и темна она ни была, никогда не могла знать полной меры этого проклятья, ибо вокруг тесноты и грязи избы, всегда лежали просторы полей, лесов, и рек; низшие же слои городского населения жили поистине в безрадостности если не ада, то чистилища.

Я особенно останавливаюсь на этом вопросе, потому что в те далекие годы русской жизни, никто в среде русской интеллигенции не сомневался в настоящей необходимости просвещения масс, но, в силу своего собственного духовного аскетизма, все гораздо менее остро ощущали другой голод тех же людей, — голод и жажду радости. Это была эпоха «поучавшей» живописи передвижников, и только с началом нового столетия воскресла в искусстве эллинистическая радость красоты. То же происходило и в нашей среде.

Дело еще портилось тем, что в конце девяностых годов, со времени введения государственной монополии на спирт, министерство финансов стало одновременно строить многочисленные «народные дома», назначением которых было отвлечение народа от пьянства. А так как правительство боялось просвещения масс и не сочувствовало ему, то в этих правительственных народных домах ударение было поставлено исключительно на «развлечении», причем качество этих развлечений было большею частью очень низкопробно. Оно потакало тому низкому уровню понимания и вкуса, который предполагался в посетителях, грубо подделывалось под него, впадало в тон балаганного скоморошества или кровавых мелодрам и только развращало девственную почву народного сознания, никогда не стремясь вызвать в зрителе новые интересы и запросы. Тем же естественно грешили и все частные предприятия этого рода, искавшие наживы, ибо во всех слоях общества пошлость всегда гарантирует полные сборы. Опыт же этот заставлял русскую интеллигенцию буквально шарахаться

ся от самого слова «развлечения», в применении к народной аудитории.

Перед нами, таким образом, стояла чрезвычайно интересная задача создания какого-то нового симбиоза просвещения и развлечения (добавлю еще — и воспитания) окружавшего нас населения. Этот симбиоз и есть то, что мы называем «культурой», и для распространения ее нам нужно было найти подходящие формы.

Только много позднее стали все наши впечатления и накопившийся опыт укладываться в отчетливые мысли и формы. Вначале же мы шли ощупью и если мы не сделали в эти первые годы крупных ошибок и, в общем, правильно заложили и вывели фундамент тогда еще не снившегося нам будущего большого здания, то это было, конечно, главным образом благодаря участию в этом деле Александры Васильевны Пешехоновой.

За всю мою долгую жизнь мне никогда потом не пришлось встретить человека, в котором бы так гармонично сочетались лучшие человеческие качества ума, воли, горячности чувств, практичности и административных способностей, выдержки и трудоспособности. Ее тактичность была изумительна, так же как и умение претворять в дело каждое из своих убеждений. Горячая и даже вспыльчивая по темпераменту, она умела всегда сохранять спокойствие и никогда не суетилась; она для всего находила время, ибо была неутомима и никогда не теряла буквально ни одной минуты в бездельи. Прожив всю свою жизнь в одном и том же районе города и проучительствовав в нем двадцать пять лет, она превосходно знала несколько поколений жителей округи, их быт и их нужды. Выросшая и сложившаяся под влиянием благородных традиций эпохи великих реформ, она через всю жизнь пронесла их высокие идеалы, согретые никогда не изменявшей ей, от отцов и дедов унаследованной, православной верой. Исключительное и редкое сочетание в среде русской интеллигенции той эпохи. Но чтобы до конца плениться ею, нужно было видеть ее в среде детей и, особенно, среди отчаянных подростков нашей окраины, головорезов и хулиганов, с которыми подчас никто из мужчин справиться не мог. При своем маленьком росте Александра Васильевна совсем тонула в их толпе и никогда, даже в самые критические минуты, не повышала голоса. И тем не менее, никто не умел так быстро успокаивать их бушующую ватагу и так подчинять их своему

воздействию, как она. Все они ее любили, самые строптивые подчинялись ее авторитету и из дикарей превращались в кротких агнцев, повинаясь ее магическому влиянию. Они были ее преданнейшими друзьями и никогда не обманывали того доверия, которое она им оказывала. Точно она знала какое-то «слово», которое они одни понимали.

Политика, какая бы то ни было политическая пропаганда, явная или тайная, единодушно исключалась нами из нашей просветительной деятельности. Мы стремились именно «просветить», поставить на ноги беспомощно бредущих в темноте людей. Мне всегда казалось глубоко бесчестным навязывать какое-либо политическое учение людям, не имеющим в этих вопросах ни знания, ни понимания, ни, следовательно, возможности выбора. За невозможностью критического отношения и убеждения разумными доводами, на таких людей обычно воздействуют методом демагогическим, вызывая к элементарным, а часто и низким инстинктам. Эти приемы политической пропаганды, откуда бы она ни исходила, от крайнего правого или от крайнего левого крыла, в самом корне расходились с нашими взглядами на достоинство личности и на обязательную честность всякого «просвещения». Злоупотреблять невежеством и умственной беспомощностью слабейшего, когда ты становишься его «учителем», считалось нами так же непозволительно, как злоупотреблять своей физической силой по отношению к ребенку.

Эта установка создавала идеальные условия для дружного сотрудничества. Все наши личные жизни и страсти оставались за порогом нашего учреждения, в его стенах мы были жрецами только знания и были связаны круговой порукой абсолютной честности в наших взаимоотношениях. Я уж не говорю о том, насколько мы любили свое дело и... друг друга, как любишь людей, связанных с тобой самым дорогим и радостным в жизни. Я не zapomню поэтому, в кругу ближайших сотрудников, за долгие годы нашей общей жизни, ни одного случая личных столкновений и горьких расхождений, случаев тех ссор и обид, которыми вообще так изобилует общественная жизнь.

Центром этого кружка была Александра Васильевна и ее друзья, тоже городские учительницы. Ближайшими из них, а позднее и постоянными ее сожительницами, были Елизавета Васильевна Попова и Надежда Фоминична Ялозо (когда я пишу эти строки, только последняя из троих еще может быть

жива). Совершенно исключительную роль играла — как в их личной жизни, так и в нашей общей — Елизавета Васильевна, «тетя Лиза» — для многих малых и старых. Большого роста, полная, с очень примечательным лицом римского сенатора, горячая и вспыльчивая, она могла сначала производить впечатление некоторой суровости. А между тем, именно она в их триумvirате была греющим, притягивающим центром. Веселая, любвеобильная, она страстно любила природу, заполняла свои комнаты растениями и выращивала на своем маленьком балкончике целые деревья. Летом ее неудержимо тянуло в деревню и, повинаясь ей, ее сожительницы всегда уезжали куда-нибудь в месячный отпуск, хотя Александре Васильевне никогда не хотелось расставаться с городом. Тетя Лиза вела домашнее хозяйство и прекрасно стряпала, но закупки делала Александра Васильевна и она же вела счета. Крайне застенчивая в общественной сфере, она никогда публично не выступала и ни в каких заседаниях участия не принимала, но три четверти непосредственной работы лежало на ней. Александра Васильевна была администратором, двигающей пружиной, Елизавета Васильевна — душой нашего общего дела.

После десяти лет постепенного роста, нам стало ясно, что никакие квартиры не смогут удовлетворить наших нужд и запросов: необходимо большое помещение и выгоднее такое построить, чем панимать, даже если бы его и можно было найти в нашем районе. Ну, а найти его было невозможно.

Участок земли на углу Тамбовской и Прилукской улиц был приобретен с таким расчетом, чтобы непременно осталось место для сада — этой недостижимой мечты нашего района — а постройка дома была поручена архитектору Юлию Юльевичу Бенуа, по совместно с ним выработанному плану.

К этому времени относится мое знакомство с другой замечательной женщиной — Марией Ивановной Страховой.

В маленькой комнатухе, отведенной ей Н. А. Рубакиным при его библиотеке, не имея в своем распоряжении никаких средств, Мария Ивановна начала новое и крайне интересное дело. Она задумала создать склад учебных пособий, необходимых для преподавания в низших и средних школах,

склад, из которого пособия выдавались бы напрокат школам и даже частным лицам за минимальную плату. Не только крайне ограниченные в средствах начальные училища, но и средние казенные учебные заведения, не могли иметь в своем распоряжении всех тех пособий, которыми мог и должен был обзавестись центральный склад: картины для волшебного фонаря, физические приборы, микроскопы, коллекции по минералогии и ботанике, препараты по зоологии и чучела птиц и зверей, предметы по этнографии и, наконец, карты и иллюстрации по географии, астрономии, истории.

Ясно было также, что такой склад или «Подвижной Музей Учебных Пособий», как он был назван, мог принести огромную пользу не только школам города Петербурга, но и нашему намечавшемуся Народному Дому. Для того же, чтобы он мог развернуться в должных размерах, нужно было дать Марье Ивановне соответственное помещение. И вот, одновременно с Народным Домом, было заложено и построено, на том же участке земли, отдельное большое трехэтажное здание. Верхние этажи были заполнены материалом Музея, нижний же, высокий подвальный этаж, превратился в мастерские Музея. Тут разбирались, сортировались и изготавливались коллекции по ботанике, зоологии и минералогии из того материала, который привозился научными сотрудниками Музея, после их ежегодных летних поездок и экскурсий. Тут были своя столярная, слесарная, переплетная, картонажная и др. мастерские. Тут, наконец, стали очень скоро работать не только на себя, но стали принимать и исполнять заказы сторонних заказчиков. Это открыло перед Музеем новую, громадную и самую значительную сферу его деятельности, вывело его из тесных границ Петербурга и превратило во все-русский центр.

Идея подвижного музея учебных пособий была для русских городов и, в еще большей мере, для наших земств, настоящим колумбовым яйцом в решении неодолимого для них, с финансовой стороны, вопроса о снабжении школ необходимыми учебными пособиями.

Организация таких подвижных музеев в губернских и уездных городах давала возможность предоставить в распоряжение школ громадный выбор лучших учебных пособий, неотягощая бюджетов земств непосильными расходами. Вся работа по выработке примерных типов таких музеев, по составлению списков учебных пособий на различные суммы, соот-

ветственно делаемым земствами или отдельными училищами ассигнованиям, составление коллекций в пределах намеченных смет — вся эта работа легла на наш петербургский Подвижной Музей. Сюда приезжали учителя и земские деятели со всех концов России советоваться и учиться.

Всё это развивалось, конечно, лишь мало-помалу и если я говорю об этом здесь, то только потому, что Музей возник одновременно с Народным Домом. Он не входил в состав Народного Дома и был связан с нами лишь ближайшим соседством и сотрудничеством. Но было знаменательно, что одновременно создавались два учреждения, ни одно из которых не имело для себя образцов и прецедентов.

Создательницей Музея, идеологически и фактически, была М. И. Страхова, вся отдавшаяся этой работе и всегда скромно остававшаяся в тени. Целая плеяда добровольных сотрудников, так же как и в Народном Доме, безвозмездно несла на своих плечах огромную работу. С 1907 года заведующим Музеем сделался М. В. Новорусский, имя которого теснее других связалось с Музеем.

Народный Дом

7-го апреля 1903 года, на Пасхе, состоялось открытие Народного Дома. Освящал его очень в то время известный и популярный в Петербурге священник, о. Григорий Петров. Просторные, высокие и светлые помещения нового здания были залиты солнцем и светом, и радостное пасхальное «Христос Воскресе» звучало для нас как-то особенно ликующе в этот торжественный день. А между тем все мы, создатели и строители Дома, чувствовали себя очень смущенными и растерянными в его просторах. После небольших квартир на Лиговке, нам было жутковато в театральном зале на 1.000 человек, в столовой, которая должна была вмещать несколько сот детей и взрослых, в большой библиотеке и классных комнатах, в просторах вестибюля и лестниц. Наша сплоченная, дружная команда сотрудников казалась такой маленькой и ничтожной под высоким и легким сводом зала, к которому неслись звуки пасхальных песнопений. Кто кого одолеет? Пространство и людность нас? Или мы их? Что возьмет верх: количество или качество? Материя или дух? Вот вопросы, которые стояли перед нами и беспокоили нас в этот светлый и радостный день.

Теперь, сорок лет спустя, когда всё это прошлое стоит передо мной во всей его яркости, но когда можно с полной беспристрастностью подвести итоги закончившемуся периоду нашей деятельности, ибо почти никого из нашей первой команды нет уже в живых, я с уверенностью скажу: победили мы, победили дух и воля и, превыше всего, победила любовь. Ибо что, как не любовь, двигало теми людьми, которые бескорыстно и безвозмездно отдавали свои знания и свое время на служение и просвещение своих обездоленных братьев. Урывали время от скудных заработков и несли свои дарования и таланты в аудитории и классы, наполнявшиеся самыми темными людьми, богатыми только своей жаждой знания. Я не называю такой труд «жертвенным», как это часто делают, и не люблю самого слова «жертва» в применении к тому, что дается с радостью, от избытка и полноты чувств. От жертвы скудеешь, от любовного дара — никогда. Слово «жертвенность» в данном случае слишком отдает нехорошим американизмом, расценивающим все поступки на вес золота. Есть радость и счастье в жизни, которые ни на какое золото не купишь. Это прежде всего — радость творчества, к какой бы области жизни оно ни относилось. А дело просвещения, если не творчество, то действие очень близкое к нему, ибо это пробуждение душ и умов человеческих. Мне всегда казалось, что в наших руках было нечто вроде магической палочки, прикосновение которой, подобно дыханию весны, пробуждало жизнь, многоголосое пенье добрых чувств и пышный расцвет мыслей.

Маленькие — великие — скромные русские люди, имена которых не занесены ни на какие скрижали истории, но которые были истинными строителями, созидателями Великой России в прошлом — учителя и учительницы наших городов и весей, работники на всех нивах просвещения — Лиговский Народный Дом был только одним из бесчисленных творений вашего труда и вашей любви.

Итак, через двенадцать лет после начала нашей деятельности, мы вошли в новое здание не с пустыми руками. У нас было уже пять организованных отделов и, что еще важнее, была дружная, спевшаяся группа сотрудников с близкой нам группой посетителей, читателей, учеников. С переходом в большое помещение мы могли не только развернуть в долж-

ных размерах уже начатое, но также добавить нехватавшие звенья в цепи тех учреждений, которые подсказывались нам настоятельными нуждами населения.

Так, к группе обслуживавшихся нами детей-школьников, мы могли теперь присоединить их младших и старших братьев и сестер. Народный Дом сразу же открыл свои двери для детей дошкольного возраста и для них нами был устроен детский сад.

Дети-школьники стали приходить к нам теперь не только обедать, но и проводить всё послешкольное свободное время. Для них устраивались занятия, игры, лекции, и в их распоряжении была детская библиотека, вместе с примыкавшей к ней читальней.

Занялись мы и самой старшей группой детей послешкольного возраста. Группа эта была в поистине трагическом положении. Городскую трехлетнюю начальную школу дети обыкновенно кончали к одиннадцати годам. Между тем, на основании закона, охранявшего труд малолетних, мальчик не мог раньше четырнадцати лет быть принят на завод или фабрику. Он поэтому оставался безо всякого призора, под растлевающим влиянием улицы, или поступал в частную ремесленную мастерскую, где в течение трех лет служил у хозяина на побегушках, ничему не учился, получал скудную пищу и обильные колотушки, и проходил ту безобразную и жестокую школу жизни, которую так часто описывали наши писатели.

Народный Дом должен был откликнуться на эту нужду. Часть его высокого и светлого подвального этажа была отведена под две большие учебные мастерские: столярную и слесарную. Мальчики принимались в эти ремесленные классы по окончании начального училища и проходили трехлетний курс, не только чисто ремесленного обучения, но и необходимой теории ремесла: технологии дерева и металлов, технического черчения и рисования. К этому добавлены были и общеобразовательные предметы (русский язык, геометрия, отечествоведение), которые могли хоть несколько увеличить тот скудный багаж познаний, который ребенок выносил из начальной школы. Опыт показал, что пройдя такую школу и получив такую техническую подготовку, мальчики легко устраивались на места и быстро продвигались на должность мастера, избегая тяжелых лет ремесленного ученичества.

Для девочек этого возраста, не пристроившихся, по окончании начальной школы, ни к дальнейшему образованию, ни